

прахъ почиваетъ въ здѣшней церкви. Нынѣ сіе богатое заведеніе принадлежитъ Генераль-Маіоршѣ *Ахматовой*; два сада въ хорошей годъ доставляютъ до 10,000 ведръ вина. Въ плодовыхъ, однихъ взрослыхъ дулъ считается до 15,000 деревь. На поляхъ сѣютъ горчицу, изъ которой выдѣлывается масло; есть шелковый заводъ; но объ послѣднія опрасли Сельскаго Хозяйства не въ цвѣтущемъ состояніи.

В.

(Будетъ продолженіе.)

Оскаръ д'Альва.

П о в ѣ с т ь .

(Изъ сочиненій Лорда Байрона.)

1.

Свѣшльникъ ночи блискалъ на лазоревомъ небѣ и разливалъ сладостное сіяніе по берегамъ Лоры. Сѣрые зубцы древнихъ башенъ Альвы до облакъ возвышались. Смолкло оружіе въ опустѣломъ замкѣ.

2.

Сколько разъ блѣдныя лучи мѣсяца упали на шлемы воиновъ Альвы, когда они, въ глубокую полночь, вышупали на брань въ сіяющихъ лапахъ!

3.

Сколько разъ съ сихъ спремнистыхъ утесовъ, о которые раздробляются яростныя волны, мѣсяць

видѣль, какъ смерть разрываетъ ряды воиновъ и храбрые глашаютъ пѣснь въ своемъ паденіи!

4.

Взоры ихъ, коимъ не суждено видѣть великолѣпное свѣшило дня, ошвращались опъ кроваваго поля бишвы и, закрываясь вѣчною пьюю, еще искали блѣднаго мѣсяца.

5.

Часто благословляли они привѣсные лучи его. Тогда онъ горѣлъ для нихъ звѣздою любви; шеперь онъ свѣча погребальная, шускло горящая на сводахъ неба.

6.

Высокій родъ владѣтелей Альвы погасъ. Башни ихъ замка, покрытые шускомъ вѣковъ, видны изда-леча; но сами Рыари не преслѣдуютъ ни еленей въ дѣсахъ одичавшихъ, ни враговъ на полѣ сраженія.

7.

Кто были послѣдніе владѣтели швои? Зачѣмъ мохъ одѣлъ швою ораду, спаринный замокъ Альва! Эхо не вшоритъ юдъ сводами звука шаговъ воиншвенныхъ; оно глхимъ гуломъ свисшитъ съ бушующими вѣшрами.

8.

И при вѣяніи предрасвѣснаго свѣжаго вѣшра слышенъ ужасный звукъ въ длинныхъ швоихъ переходахъ. Онъ пошрясаетъ стѣны полуразвалившіяся, колеблетъ своды расшреснушые.

9.

Буря гремитъ щипомъ мужеспвеннаго Оскара; но знамя его не развѣвается надъ долинами; не колеблется на шлемъ черное перо его.

10.

Ангъ благословилъ счастливый день рожденія Оскара. Эпо былъ его первенецъ. Васаллы, сидя вокругъ пылающаго огня, шоржеспвозали сей день вмѣстѣ съ своимъ повелишелемъ.

11.

Охопинки поразили мѣшками спѣлами быспроногихъ ланей; рогъ зазвучалъ на пршеспствѣ; воинспвенный звукъ его веселишъ сердце храбрыхъ жишелей горь.

12.

„Наспанешъ время,“ — радешно восклицали они, — „и звонъ рога будешъ предшчею сыну Рыцаря, ведущаго къ побѣдѣ дружины беспрашныхъ.“

13.

На другой годъ Ангъ обლობызалъ вшораго сына: день его рожденія былъ также паздникомъ. Спшолы прещали подъ множествомъ бранешъ и своды дружалы опшъ восклицаній пирующихъ.

14.

Ангъ обучилъ юныхъ сыновей, мешко посылашъ осприя спрѣлы и разишъ ими ланей на шемныхъ холмахъ Альвы безъ промаха. Вѣбгу Оскаръ и Алацъ опереживали псовѣ быспроскачущихъ.

15.

Минули лѣта младенчества — и юноши уже стояли въ рядахъ войновъ. Они умѣли владѣть копьемъ и пробивашь кольчуги убійственнымъ оспріемъ его.

16.

Черные волосы Оскара развѣвались по волѣ вѣтра. Свѣшлые кудри ошѣняли чело Алана; но оно было блѣдно и задумчиво.

17.

Оскаръ имѣлъ духъ Рыцарскій. Въ глазахъ его можно было чипашь движенія чистаго его сердца. Аланъ съ малолѣшства привыкъ къ скрыпшности и щедро сыпалъ сладкія слова.

18.

Оба пылали мужествомъ; много Саксонскихъ копій изломано о желѣзные щипы ихъ. Сердце Оскара не знало страха; но ему былъ знакомъ сладкій прелепъ любви.

19.

Характеръ Алана не соопвѣшествовалъ красотѣ наружной: его прелестное шѣло достойно было души благороднѣйшей. Вихрь его мщенія, какъ громъ, упалъ на его непріятелей.

20.

Дщерь Гленальвона, наследница помѣстій Кеннефа, прекрасная и юная, пришла изъ Соупаннона — и обдеснула мрачный замокъ Альвы.

21.

Оскаръ искалъ руки ея. Ангъ благосклонною улыбкою одобрялъ выборъ сына. Союзъ съ дочерію Гленальвона льстилъ гордости владыцеля Альвы.

22.

Зазвучали звонкіе рога, загремѣли брачныя пѣсни. Радостное эхо далеко по рощамъ разноситъ веселыя звуки.

23.

Воины въ племахъ, опѣенныхъ красными перьями, попляшутъ въ замкѣ Альвы. На каждомъ наброшена разноцвѣтная маншія; каждый ожидаетъ повелѣній отъ своего начальника.

24.

Не на бившу они призваны; рогъ издастъ звуки радости; насталь день бракосочетанія Оскара; звонкія пѣсни дышашъ веселіемъ.

25.

Гдѣ же Оскаръ? Не пора ли? Гдѣ такъ запоздалъ нешерпѣливый женихъ? Всѣ гости, всѣ красавицы съѣхались: всѣ ищутъ глазами Оскара и его брата.

26.

Наконецъ являешся Аланъ — и садится подлѣ обрученной. „Зачѣмъ медлишь Оскаръ?“ спросилъ его Ангъ. „Гдѣ онъ? — „Его не было со мною въ рощѣ,“ отвѣчалъ братъ его.

27.

Можешь бышь, забывъ о днѣ брака, онъ заблудился, гоняясь за еленами; можешь бышь, волимъ

Океаны удерживають его ладію? Рѣдко волны замедляли возвращать его.

28.

„Нѣшь! Нѣшь!“ восклицала горестный родитель, „ни охота, ни море не въ силахъ удержать моего сына. Можеть ли онъ нанести Морю такое оскорбленіе? Его не остановило бы никакое препятствіе!“

29.

„Воины! Други! Ищите повсюду моего сына. Аланъ! Обѣги съ ними окрестности Альвы! Спупайте — и не возвращайтесь, не опъисавши моего сына.“

30.

Все въ смущеній. Дикіе голоса оглашаютъ долины именемъ Оскара; въ ропотѣ вѣтровъ слышно имя Оскара; ночь одѣла землю черными крыльями.

31.

Имя сіе нарушаетъ тишину ночи; но шщепно эхо, рыская по окрестностямъ, выкликаеть Оскара. Заалѣла заря — и Оскаръ не возвращался.

32.

Безъ сна и покоя, при дни и при ночи, владѣтель Альвы ищетъ въ горахъ своего сына. Нѣшь надежды! Онъ предался своей горести и рвалъ съдые свои волосы.

33.

„Оскаръ! Сынъ мой! Боже! Возврати мнѣ подпору моей старости! Или предай убійцу его моему мщению!“

34.

„Можешь быть, бьяля кости Оскара безъ погребенія брошены на какой-нибудь пусынной скаль. Великій Боже! Соедини несчастнаго отца съ Оскаромъ въ Царствѣ мертвыхъ.“

35.

„Можешь быть онъ живъ. Перестанемъ внимать отчаянію. Всемогущій Боже! Проспи воплю души моей, если я несправедливо ропсаль прошивъ Тебя; проспи безумію отчаянія!“

36.

„Если же онъ умеръ, безъ чести сойду въ могилу. Умерла надежда вешихъ дней моихъ. Чѣмъ заслужилъ я казнь, споль ужасную?“

37.

Такъ съповаль осирошѣвшій отецъ. Время, врачующее самыя глубокія раны сердца, прояснило чело его и осушило слезы.

38.

Изрѣдка тайная надежда шепсала ему, что Оскаръ возвратишь. Спарецъ иногда вѣрилъ ей, а чаще не вѣрилъ. Цѣлый годъ оплакиваль онъ сына.

39.

Дни уходили за днями; солнце совершило годовый кругъ. Оскаръ не пришелъ ушѣшишь взоръ дряхлаго родителя. Горесшь старца сдѣлалась тише, спокойнѣе.

40.

У него оставался Аланъ: онъ былъ его единственнѣмъ ушѣшеніемъ. Скоро Аланъ овладѣлъ серд-

цель Моры. Красота осыпала всеми своими дарами брата Оскарова.

41.

„Оскара нѣтъ въ живыхъ,“ говорила она сама себя. „Аланъ всѣхъ пригоже. Если Оскаръ существоешь; но, вѣрно, другая красавица владеешь сердцемъ измѣнника.“

42.

„Пусть исполнится годъ,“ сказалъ имъ спарець. „Если надежда меня обманешъ; но я заспаваю молчасть печаль мою, самъ назначу день вашего брака.“

43.

Годъ минулъ. Насталъ день, назначенный для соединенія Моры и Алана. Годъ безпокойныхъ ожиданій уже далеко. Улыбка разцвѣла на устахъ любовниковъ.

44.

Зазвучали звонкіе рога, загремѣли брачныя пѣсни. Радостное эхо далеко по рощамъ разноситъ веселые звуки.

45.

И васаллы, въ праздничной одеждѣ, снова шлопятся въ длинныхъ переходахъ замка Альвы. Ихъ рѣчи дышашъ веселиемъ, очи ихъ свѣплы: они забыли несчастный случай, столь ужасно прервавшій брачное шествіе.

46.

Но кто сей угрюмый незнакомецъ? Онъ грозно озираешъ бесѣдующихъ. Всѣ вперяли на него любо-

пышные взоры. Казалось, что ось его прихода голубое пламя камина пошускило.

47.

Онъ закушанъ широкими складками черной епанчи; перья на его шлемъ кроваваго цвѣща; его голось есть первое дыханіе бури; его споны едва до земли касаются.

48.

Полночь! Круговая чаша переходить изъ рукъ въ руки. Гости опоражнивають широкое дно ея, за здоровье новобрачнаго. Ихъ восклицанія раздаются подъ сводами, каждый разъ, когда она осушена.

49.

И вдругъ вспадъ пришлецъ невѣдомый; все умолкло; изумленный спарець въ робкомъ ожиданіи; нѣжное сердце Моря зашрепешало.

50.

„Спарецъ!“ вѣщаль онъ, — „гости провозгласили многолѣшіе новобрачному. Ты видѣль, что я исполнилъ ихъ пребование: я пилъ, желая благоденствія швоему сыну. Теперь моя очередь!“

51.

„Когда все здѣсь пируешь, радуясь счасію Алана, зачѣмъ забышь храбрый Оскаръ? Развѣ онъ не сынъ швой?“

52.

„Горе мнѣ!“ отвѣщивоваль несчастный ошець.
„Печаль разорвала сердце мое, когда Оскаръ пропалъ безъ вѣщи.“

53.

„Три годовыхъ круга совершило солнце и Оскаръ не возвратился. Аланъ единственнее мое утѣшеніе, съ пѣхъ поръ, какъ не спало Оскара.“

54.

„Хорошо!,, — прервалъ свирѣпый незнакомецъ и глаза его ужасно сверкали. „Я любопышенъ знать участь Оскарову: можешь бышь, еще живъ сей Рыцарь.“

55.

„Какъ знать? Можешь бышь, онъ возвратился бы, еслибъ его ближніе произнесли его имя. Можешь бышь, сей юный воинъ заблудился и пламень Майскихъ наслажденій еще не поухъ въ груди его.“

56.

„Наполнимъ чашу, пошлемъ ее вокругъ стола; я громко объявляю, что пью здоровье Оскара заочно.“

57.

„Отъ всего сердца,“ сказалъ спарець и до края наполнилъ чашу. „Пью за моего сына — живаго или мертваго; никогда не будешь у меня другаго, ему равнаго.“

58.

„Хорошо, спарець! Но за чѣмъ чаша дрожишь въ рукъ Алана? Зачѣмъ онъ ее не опоражниваетъ? Пей, братъ Оскара, пей въ воспоминаніе покойнаго, держи крѣпче чашу и не расплескивай.“

59.

Ужасная блѣдность заслупила мѣсто румянца на щекахъ Алана: крупныя, холодныя капли смертнаго поша проступили на челѣ и заканалы на грудь его.

60.

Три раза подносилъ онъ чашу къ устамъ; при раза уша его отказывались пить вино, въ ней налишое; при раза глаза его, встрѣчаясь со взорами невѣдомаго, чинали въ нихъ гнѣвъ и угрозу.

61.

„Аланъ! Съ пакимъ ли чувствомъ шворятъ воспоминаніе о миломъ бранѣ? Если это знакъ дружбы; шо по какому же знаку откроемъ мы ужась?“

62.

Оскорбленный пакою ядовитою насмѣшкою, Аланъ дѣлаешь усиліе; поднимаетъ чашу. „О еслибъ Оскаръ пришелъ раздѣлишь съ нами веселіе пиршества!“ сказалъ онъ и шайное чувство оледѣнило его душу. Онъ уронилъ изъ рукъ чашу. Она загремѣла и покашилась.

63.

„Это онъ! я слышу голосъ моего убійцы!“, — вскричало въ шо же мгновеніе явившееся привидѣніе. „Голосъ моего убійцы!“ повшорило эхо по круглымъ сводамъ замка и буря разразилась надъ пиршественною храминою.

64.

Поблѣднѣлы свѣшильники, волны содрогнулись, невѣдомый исчезъ. И грозное привидѣніе спшяло въ зеленой одеждѣ....

65.

На широкой перевязи висѣлъ грозный мечъ; черныя перья развѣвались на шлемъ его; изъ широкой раны на обнаженной груди его текла еще кровь. Его очи неподвижны и шусклы.

66.

Оно три раза горько улыбулось и преклонило кольна передъ шарцемъ; три раза хмурило оно брови, смотря на Алана, на земль распросшершаго, на кошораго всѣ смотрѣли съ негодованіемъ.

67.

Упали запоры съ ворошь замка; загремѣли желзныя вороша и сами распворились. Громъ грянулъ въ небѣ и привидѣніе умчалось на крыліяхъ бури.

68.

Всѣ вскочили изъ за прапезы: госпи, одинъ за другимъ, осшавили пиршество. Но кто сіи два человекъ, на полу безъ чувствъ лежащіе? Сердце Анга перешало бишься; его возвратили къ жизни.

69.

Тщешно спсараюшя оживишь Алана: его вѣжды навсегда сомкнулись. Дни его сочшены: онъ опшилъ. Аланъ не возстанешъ.

70.

Трупъ Оскара брошенъ былъ въ мрачной долинь Гленшанарской; вѣшры развѣвали его черныя волосы. Спрѣла Алана была вонзена въ распоронной груди его.

71.

Ошколь приходилъ грозный незнакомецъ? Кто онъ? Ни одинъ смершный не вѣдаешъ. Но всѣ васаллы узнали привидѣнїе: эшо была пѣнь Оскара.

72.

Гордыня вооружила руку Алана: злые духи окрылили смертоносную стрѣлу его; пламенникъ зависши освѣщаль окрестность, когда Аланъ прицѣливался; ревность напоила его своимъ ядомъ.

73.

Быспро засвиснѣла стрѣла Аланова. Оскаръ исходилъ кровью; голова его скашилась на землю; смершный мракъ окружилъ его.

74.

Мора обольстила сердце Алана; его гордость смирилась предъ красотою Гленальвоновой дочери. О горе! Зачѣмъ глаза красавицы, горящїе пламенемъ любви, часто зажигающъ въ людяхъ адскій огонь злодѣяній?

75.

Видите ли вы сію уединенную гробницу? Въ ней сокрытъ воинъ! Ее далеко различить можно даже и въ сумерки. Эшо брачное ложе Алана.

76.

Далеко отъ эшаго проклятаго мѣста возвышается благородный памятникъ, надъ знаменишымъ прахомъ владѣтелей Альвы. Ихъ гербъ не вырѣзанъ на гробницѣ Алановой: она осрамлена братоубійствомъ.

77.

Какой спарець-Менеспрель, какой сребровласый
Бардъ воспоешь на арфѣ высокіе подвиги Алана?
Звуки арфы есть самый прекрасный вѣнецъ славы;
но кто дерзнешь воспѣвать убійцу?

78.

Да не дерзнешь ничья рука будишь спруны
молчащей арфы; да ни одинъ Менеспрель не осмѣ-
лился воспѣвать хвалы Рыцарю-братоубійцѣ! Съ
его арфы слешашъ звуки погребальныя.

79.

Ничья лира, никакое пѣніе не огласяшь окре-
стностей его именемъ. Надъ его могилою эхо
впоришь проклятіе умирающаго опца и послѣдніе
сшоны убишаго имъ брата!

В. Рейковъ

Царское село,
Августа 6-го, 1824.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

А в г у с т ь , 1 8 2 4 .

П Р О З А .

А с т р а х а н ь .

(Изъ дорожныхъ записокъ одного путешественника.)

Нѣтъ ни одного изъ нашихъ древнихъ городовъ, который бы не былъ ознаменованъ какимъ нибудь важнымъ происшествіемъ Россійской Исторіи, который бы не могъ служить самъ содержаніемъ особенной Исторіи.

Муравьевъ. (М. Н.)

Не завидую путешественникамъ, презирающимъ настоящее и будущее, углубленнымъ въ одну спарину, въ одно давно-минувшее. Пускай они всходятъ на спремнины, спускающа въ подземелья и, какъ спрасные любители древностей, разбираютъ надписи гробницъ, опрываютъ печальныя урны, порпятъ зрѣніе надъ монетами Греческими, надъ медалями Римскими, надъ Гіероглифами Египетскими. Пускай нагружаютъ они корабли драгоценными обломками, Сфинксами и обелисками, саркофагами и шолпами бѣломраморными. Горжусь шѣмъ, что первый сдѣлалъ извѣстными найденныя въ Кіевѣ монеты Владиміра. (*)

(*) См. В. Е. 1816-го года.